

К 90-летию города

Магнитогорск литературный

Магнитогорск – город не только промышленный, но и литературный. Начало строительства

доменных и мартеновских печей было главным делом для молодой советской республики. Но строили

1922-2019

90

МАГНИТОГОРСК

НАШ ГОРОД. НАШЕ БУДУЩЕЕ

новый соцгород, давали чугун и сталь – живые люди, которые мечтали о светлом будущем, воспевая жизнь в своих стихах, поэмах и рассказах. Уже в 1930 году на Магнитострое появилась первая

литературная группа «Буксир», которая вскоре гремела на весь Урал.

Имена А. Ворошилова, В. Макарова, М. Люгарина, Л. Татьяничевой, Б. Ручьёва, А. Авдеенко,

М. Гроссмана сегодня хорошо известны – именно они закладывали литературные традиции, которые и сегодня, по прошествии 90 лет, продолжают жить в городе у горы Магнитной.



Борис Александрович Ручьёв (настоящая фамилия Кривощёков; 1913–1973) – русский советский поэт, первостроитель Магнитки, член Союза писателей СССР с 1934 года, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, автор трёх десятков поэтических книг.

Борис Ручьев

будто цветок полевой,
по неведомой примете
знала друга моего.

Звёзды падают дождём

Где ты шёл, сибирский леший,
через мир и через гром
по дороженькам нездешним
с колдованным топором?
Ждал тебя я год и месяц
в наши горные края
и поверил: спета песня
соколиная твоя.
Вечер был. Сверкали звёзды.
И стоял товарищ мой
чернобровый, грандиозный,
бородатый и прямой.
Он сказал: – Под небом синим
шёл любую стороною,
нету города в России,
не отстроенного мной.
Он сказал: – А в смысле песни
разговором не забавь,
в небе звёздочкой чудесной
обозначена судьба.
...Ночь налево, ночь направо,
больше нечего сказать –
триста звёзд глядело прямо
в наши звёздные глаза,
и одна с зелёным цветом, –

Год мы вместе ели, пили,
а вокруг Магнит-горы
день и ночь на всех стропилах
пели наши топоры.
Шла зима глубоким снегом,
мы несли бессменный пост,
тёмной ночью пали с неба
три куста зелёных звезд.
Мой товарищ ахнул с горя,
в небо глянул и застыл:
на высоком синь-просторе
не нашёл своей звезды.
Скинул шапку, вытер слёзы,
свету белому не рад,
на земле знобят морозы,
чтобы легче помирать.
Чтобы ввек помина злого
не осталось за душой,
поклонился нам без слова,
распрощался и ушёл.

Безо всякой канители,
тихо, смирно той зимой
всю неделю на постели
помирал товарищ мой.
Койка жёстка, что подмётка,
скукой выпито лицо,

мир бедней на четверть водки,
на полпуда озурцов.

...По Руси и по России
напролёт и наугад
смерть ходила, смерть косила
тышу лет тому назад...
Встал старик сухой и грозный,
непокорный, как гроза,
изругал святые звёзды
за прекрасные глаза.
И во всей бывалой силе
изрекает в те поры:
– Нонче небо отменили,
володеют топоры.
...Снова звоном, снова хрустом
загулял у наших гор
гордость парней Златоуста,
сердцем кованный топор.

В перепалку, в перестрелку
как ударили в леса,
компасы рванули стрелки,
перепутав полюса.
Над ночным долинным юром
как взгремели топоры,
показали реомюры
тридцать градусов жары.
Под огнём в четыре солнца
стены города кладём.
Неба нет, земля трясётся,
звёзды падают дождём.

1934 год

Две песни о магнит-горе

1.
Невидимый, неведимый,
силу тайную хранит

в сердце родины таимый
удивительный магнит.
Мне на свете нет покоя,
нет удачи, нет добра –
неотступною тоскою
извела Магнит-гора.
Дальним ветром, тихим зовом
всё манит меня к себе,
будто сына дорожого,
непокорного судьбе.
Я не раз бывал измучен,
падал замертво в мороз,
на костре горел горячем,
не пролив и капли слёз.
Но припомню город горный,
весь в огнях в вечерний час, –
хлынут с радости и с горя
слёзы тёплые из глаз.
Я увижу, как по тропам
росным утром на заре
самым юным рудокопом
я пришел к Магнит-горе.
И, взрывая камень вечный,
день и ночь в земной грозе,
верных верностью сердечной
больше ста имел друзей.
Жил, довольный хлебом чёрным,
в праздник чай кирпичный пил,
вместо доброй и покорной,
непокорную любил.
И желанной, нелюбимый,
пел я, строя город мой,
каждым камушком родимый,
каждой гайкою родной.

2.
Если я умру без слова,
люди, будьте так добры,
отвезите гроб тесовый

до высот Магнит-горы.
Под утёсом положите
и поставьте столб с доской:
«Похоронен старый житель
и строитель заводской».
Дождь полёт могилу летом,
и на политом бугре
загорится горицветом
несгораемый багрец.
И воротятся живые,
старой дружбой мне верны,
сталевары, горновые –
бомбардирами с войны.

Над могильником багровым
снимут шапки в тишине,
задушевым тихим словом,
как живому, скажут мне:
– Спи, товарищ, ты недаром
ел на свете пироги,
нашей сталью в громе яром
насмерть скошены враги!..
И пойдут друзья спокойно
плавить горную руду,
как всегда – готовы к войнам,
к жизни, славе и труду.
Над моим усталым сердцем
пусть же, здравствуя, живёт
всю планету громовежцем
потрясающий завод.
Как сердца стучат машины,
сплав бушует огневой,
и да будут нерушимы
основания его.
Ибо в годы сотворенья
я вложил в них долей тонн –
камень личного граненья,
вечной крепости бетон.

1942 год



Александр Борисович Павлов (1950–2011) – российский поэт, журналист, переводчик, автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей России, лауреат Премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Жил в Магнитогорске, работал в газете «Магнитогорский металл».

Александр Павлов

Глядит с портрета бодрый коксохимик –
попробуйте, побрейте коксохим!

1975 год

Как в наше время
ретушеры бойки!

Они сидят в редакциях, ворча,
и ретушь, как сапожные набойки,
кладут на фотографии плеча.

Ну, посудите сами, что за лица:
вот этот не побрит, а тот – в грязи,
а третий исподлобья, хищной птицей,
глядит на всех, портрет изобразив.

А мы ему улыбку, да помягче
суровый взгляд, а блики – пригасим...
Чтоб лица были, как стандартный мячик,
какие редко встретишь на Руси.

Эй, ретушеры! Навострите кисти!
Воображенье бросьте у станка
да причешите время, ветры, мысли
сырыми гребешками колонка.

Вам все равно не обработать имя
и не закрасить над заводом дым.

В его обходе ревностном и злом
рассерженно сминалось безразличье:
– Трудно-то сколько! И опять на слом..
Но все же вскоре вспыхивала спичка.

А бензорез врезался в кругляки,
обшивку и натруженные скаты,
и паровоз, напыщенный когда-то,
валился от Степановой руки.

Да мало ли таких со всей страны
летят к нему, попыхивая рьяно?
Им раньше явно не было цены,
а нынче есть – и та не по карману.

Дешевле вжать в тысячетонный пресс
уютные, обжитые кабины
и рычагов тридцатилетний блеск..
– Ломай, Степан, работай – все едино! –

так думал он размашисто, спроста,
покуда к серым колоннадам цеха
из памяти тревожной не приехал
особенный, приземистый состав.

Степан присел у танка, закурил.
Пробоины, заклиненная башня..
И, словно лбом ударяясь в день вчерашний,
на башенке он цифры отличил:

«602-й» – и дернулась рука,
и налегла на воздух, как на тормоз,
602-й в разорванных боках
привез войною срезанную скорость.

602-й... И задохнулся он.
Да! Там друзья, заклинены навечно.
Он за броню слышал каждый стон
и жаркое дыханье человечье.

Он рвал броню упругим резаком,
как будто вдруг из танковой утробы
они шагнут светло и шлемолобо,
такими же, как их запомнил он.

Гудело пламя, взламывая танк,
томилось небо без дождя и вздоха..
В копровом цехе вечный кавардак,
в пролетах тесных стиснута эпоха.

С хребта задумчиво стекал
Туманный вечер, тих и кроток...
Звонил у синего стекла,
Стучал в прозрачные ворота.

Вставали темные кусты...
Ну что вы, дайте оглядеться!
Но липким сумраком густым
За плечи уносилось детство.

Законы жизни не стереть.
Уходят облики и лица.
А в том ли счастье, чтобы спеть
И в этой песне повториться?



Александр Никитич Лозневой (1911–2005) – российский поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей СССР, автор полутора десятков книг. Ветеран советско-финской и Великой Отечественной войн, почётный гражданин Магнитогорска.

Александр Лозневой

был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Рабочая
Магнитка

Мы, как в бою,
позиций не сдавали.
Ковали мы победу на Урале.
Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий
был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Мы на войне в окопах не бывали.
Мы у горы Магнитной
наступали.

Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий

А все ж не пали духом – устояли.
Кипела сталь,
и ночи шли, и дни
у жарких домен,
где режут огни.
И каждый третий
был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.

Город юности

Были первые палатки
и землянки под горой.

Все уплыло без оглядки,
стало милой стариной.

Где орел кружил над степью
да кипел пальящий зной,
за туманной горной цепью
зародился город мой.
Стать ему бы тихим садом,
да войны ударил гром.
Город мой простым солдатом
стал на фронте трудовом.

Меч возмездия ковал он,
силу грозных батарей.
Город мужества и стали,
доблесть родины моей.

Я иду под небом синим
над прохладой речной.
Будет он еще красивей,
легендарный город мой.
Буйной зеленью охвачен,
в опояске из огней.

Будет он еще богаче,
и уютней, и родней.

Матросы

Прощай, наше Черное море,
в глубинной тиши корабли.
Большое матросское горе
впервые мы все обрели.

Но знайте, орлы-черноморцы,
еще умирать не пора.
На сушу, за землю бороться,
нас вынесло море с утра.

Добудем штыки и гранаты.
Не нам суждено горевать!

Уходят матросы в солдаты,
чтоб к морю вернуться опять.

1942 год